

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Приобье
глазами археологов
и этнографов

Материалы и исследования
к “Энциклопедии Томской области”

Издательство Томского университета

1999

Береста и декоративные традиции селькупов

О.М. Рындина

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 98-01-00101 а/т

Художественная обработка бересты служила одним из наиболее ярких показателей традиционной культуры селькупов. Однако долгое время она оставалась вне литературного освещения. Практически первые содержательно развернутые сведения о роли бересты в быту остяко-самоедов (селькупов) относятся к 1920-м годам. Географически они тяготеют к бассейну р. Кети и, таким образом, характеризуют декоративные традиции южной (нарымской) группы этноса.

Летом 1924 г. поездку к остяко-самоедам Нарымского края совершил М.Б. Шатилов. Результаты этой поездки материализовались в виде основы селькупской этнографической коллекции в Томском краеведческом музее и оформились в виде статьи «Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района» (1927). Предметный ряд селькупской коллекции М.Б. Шатилова, достоверно атрибутированный и частично опубликованный Н.А. Тучковой (1995), содержит в себе поистине уникальные и в высшей степени восхитительные образцы орнаментированных изделий из бересты. С собранным узорным великолепием несколько контрастирует сдержанность и лаконизм описания и статейного содержания. Очевидно, разгадка кроется в фразе исследователя о том, что украшения на берестяных «остяцких» кузовках «очень разнообразны как по способу их исполнения, так и по форме и внутреннему смыслу, их содержанию, что заслуживает специального исследования» (Шатилов, 1927, с. 166).

Прекрасным дополнением к сборам М.Б. Шатилова служат сведения, представленные Е.Н. Орловой (1928, с. 15–16) в ходе хозяйственно-бытового обследования коренного населения, которое проживало в бассейнах рек Кети и Тыма. Указав на важную бытовую функциональность бересты, заставлявшую «остяков» всей семьёй уходить на несколько дней в тайгу для заготовки этого материала, Е.Н. Орлова очерчивает круг орнаментированных предметов, в который попадает практически вся домашняя утварь. Особую значимость представляет описание автором трёх технических приёмов художественной отделки бересты: «скоблёного», «вдавленного» и «накладного» орнамента. Характеристика орнаментальных сюжетов включает в себя информацию о растительных формах, зоо- и антропоморфных изображениях и «звериных следах, теряющих свою первоначальную форму в процессе стилизации» (Там же, с. 16).

Начало научному изучению декоративного искусства народа кладёт статья Е.Д. Прокофьевой «Орнамент селькупов» (1950), и по сей день вы-

полняющая функцию энциклопедического справочника по указанной тематике. Значимость представленного в ней материала усиливают его номинативная характеристика и указание на традиционный либо новационный характер. Своеобразие селькупской орнаментики подано в статье с учётом выявленной этногрупповой специфики, а его интерпретация обусловлена неоднозначностью исторического процесса формирования южной и северной групп этноса. Применительно к декоративной отделке бересты специфика воплощена в наличии резных узоров на посуде и жилище у части северных селькупов (баишенских) и выскобленных на утвари у южных (с. 37). Проанализировав характер выскобленных мотивов в сравнительно-историческом плане, Е.Д. Прокофьева приходит к выводу о заимствовании самой орнаментальной технологии и значительной части мотивов у хантов и манси, что отражает гораздо более сильное влияние угорского компонента на процесс формирования южной группы (с. 32, 39). В выскобленном декоре селькупов автор также вскрывает черты кетского воздействия и специфический орнаментальный фонд (с. 32, 35).

Работа Е.Д. Прокофьевой задала основные орнаментоведческие направления на последующие десятилетия. Её основным положением почти полностью соответствует краткая характеристика селькупского орнамента, данная С.В. Ивановым в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (1961, с. 369). Однако здесь имеется одно весьма существенное уточнение: узоры южных селькупов сближаются с творчеством не обских угров в целом, а конкретно восточных хантов.

В монографии Г.И. Пелих «Происхождение селькупов» (1972) орнамент предстаёт как критерий выделения этнических компонентов в традиционной культуре этноса. Орнаментация на разнообразной берестяной утвари составляет значительную часть исследуемого материала (с. 96), но в качестве самостоятельной составной не рассматривается. Вместе с тем в работе дано описание наиболее распространенных форм берестяной посуды и отмечена особо тщательная отделка, в том числе и орнаментальная, четырёхугольных лукошек с отрезным дном – коромдже, служащих для хранения одежды, украшений и женских швейных принадлежностей (с. 36–37). К числу редкостных следует отнести сведения о наличии рисунков на старинных берестяных лодках: узоры «процарапывались» на бортах у носа и кормы и имели вид птиц, рыб, кругов и других знаков (с. 272).

«Берестяные изделия селькупов» служат главным объектом исследования в одноименной работе П.П. Хороших и И.Н. Гемуева (1980). Здесь прослежены основные функциональные связи, вписывающие бересту в контекст традиционной культуры, и подробно описана технология изготовления берестяной утвари, а сопроводительный иллюстративный материал даёт представление и о её орнаментации. Техническое разнообразие последней авторы распределили по 8 способам: выскабливанию, аппликации, выдавливанию узора штампом, ажурной резьбе с подкладным фоном, выжиганию, тиснению, окрашиванию и профилировке краёв (с. 180–181).

Основная исследовательская линия в работе развивает сюжет, обозначенный Е.Д. Прокофьевой, – различия в орнаментальном творчестве северной и южной групп селькупов и причины, их обусловившие. Авторы делают значительный шаг вперёд в указанном направлении, выделяя компонент, заимствованный народом у досамодийских насельников Западной Сибири. Содержание этого компонента составляет геометрический орнамент: треугольники, ромбы, квадраты, неправильные четырёхугольники, полосы, стреловидные элементы. Значительная степень этнической изоляции северных селькупов и периферийных групп южных способствовала устойчивости у них этих орнаментальных форм (с. 183–185). Мотивы на берестяных изделиях южных (нарымских) селькупов включают в себя наивно реалистические изображения флоры и фауны, а также крайне разнообразные мотивы геометрического характера. Обогащение орнамента новыми формами обязано контактам южных селькупов с соседями, прежде всего хантами (с. 181, 185).

Проблема взаимодействия орнаментальных традиций южных селькупов и восточных хантов рассмотрена Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной (1984). Авторами конкретизирован имеющий солидную историографию вывод о заимствованном характере значительной части южноселькупских узоров на бересте: речь идёт о южноселькупском выскобленном орнаменте как локальном варианте не всей восточнохантыйской орнаментики, а лишь её части – васюганско-ваховской (с. 65).

В публикациях О.М. Рындиной (1988, 1995) характеризуются селькупские орнаментальные традиции, присущие обработке бересты, выявляется их этническая специфика и исторические параллели. Предлагаемая вниманию читателей статья является квинтэссенцией полученных выводов в плане выявления исторических напластований в селькупской орнаментике на бересте.

Наиболее зрелищной и хорошо отражённой в литературе областью берестяного декора селькупов служат выскобленные узоры. Они представлены в творчестве южной группы, и именно на них распространяется положение о восточнохантыйском (васюганско-ваховском) заимствовании. Однако подводить под знаменатель этнокультурной диффузии всё выскобленное узорочье неправомерно. Речь может идти лишь о его части, обладающей комплексом специфических черт: бордюрной организацией орнамента, т.е. узор имеет вид полосы или ленты; сериями мотивов, конструируемых прежде всего на основе ромбов с уголками и зигзага с симметричными и асимметричными дополнениями; ширококонтурностью узорной линии, вследствие чего орнаментальный рисунок на поверхности изделия выглядит броско и монолитно (рис. 1, 11–12). Все перечисленные показатели характерны для хантыйских и мансийских узоров в целом; из этих черт слагается обско-угорское орнаментальное единство, представленное не только в выскобливании на бересте, но и в нашивании бисера, в раскраске ровдуги и коры. Узоры самоедоязычных народов: ненцев, энцев и нганасан – строятся на другой основе. Иными словами, орнаментальная общность, связывающая берестяное узорочье южных селькупов и восточных хантов, выглядит, с одной стороны, как часть обско-угорского орнаментального целого, а с другой стороны, как локаль-

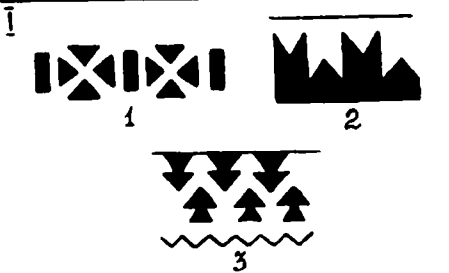
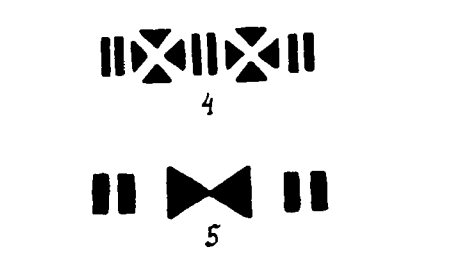
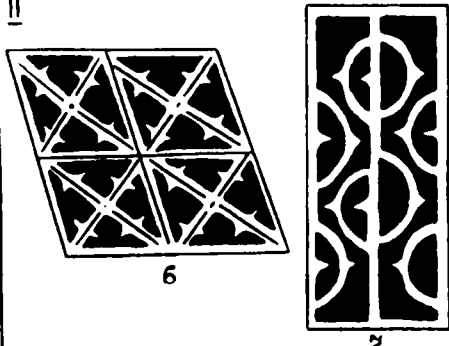
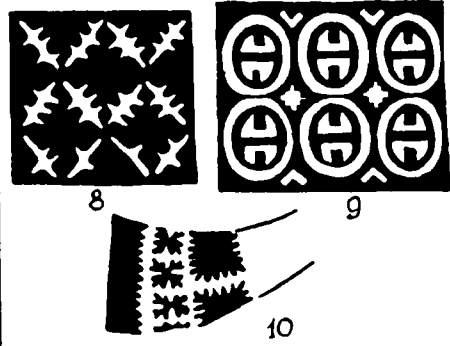
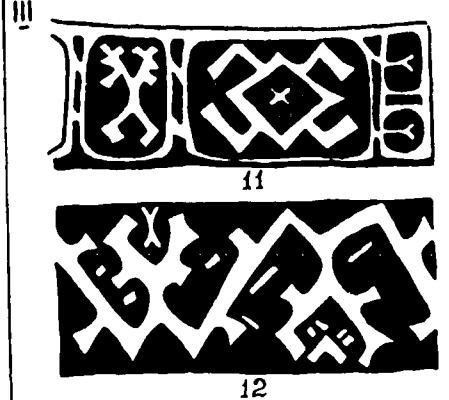
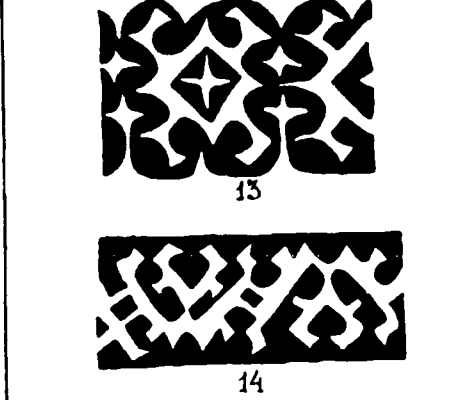
СЕЛЬКУПЫ	ХАНТЫ, МАНСИ, КЕТЫ
<p>I</p> <p>1 2 3</p>	 <p>4 5</p>
ЮЖНЫЕ СЕЛЬКУПЫ	АЛТАЙЦЫ, НЕНЦЫ
<p>II</p> <p>6 7</p>	 <p>8 9 10</p>
ЮЖНЫЕ СЕЛЬКУПЫ	ВОСТОЧНЫЕ ХАНТЫ
<p>III</p> <p>11 12</p>	 <p>13 14</p>

Рис. 1. Исторические напластования (I–III) в селькупской орнаментике на бересте и их этнографические параллели (1, 3, 11, 12 – Прокофьева, 1950, рис. 1. л. н. За. г; 2 – Хороших, Гемуев, 1980, рис. 4, 5; 4, 13, 14 – Лукина, 1979, рис. 15, 1. 86б. 112. 3; 5 – Шешкин, Шабалина, 1993, с. 69, рис. 6; 6, 7 – ТОКМ. № 46, 52; 8, 9 – Эдоков, 1971, табл. 17; 10 – Иванов, 1963, рис. 29, 2)

ная специфика в рамках орнамента самодийцев, что ещё раз подтверждает положение о восточнохантыйском авторстве рассмотренных узоров.

Кроме того, перенятые селькупами орнаментальные формы хорошо отражают все те групповые особенности, что свойственны восточнохантыйскому берестяному декору на обско-угорском фоне. К числу этих особенностей принадлежит криволинейная манера исполнения, усикообразные окончания узорной линии, раздвоенность вершин у зигзага, уголков и ромбов, слабая выраженность стилизованного изображения медведя (рис. 1, 13–14). Специфика криволинейных форм на восточнохантыйской, точнее, васюганско-ваховской бересте объяснима при обращении к иной орнаментальной области – орнаментальной раскраске ровдуги, которая не представлена в декоре ни самодийцев в целом, ни селькупов в частности. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что знакомство нарымских селькупов с берестяным узорочьем восточных хантов пришлось на сравнительно поздний период, когда оформились и утвердились локальные особенности восточнохантыйских выскобленных узоров.

С учетом вышеизложенного наиболее приемлемой для интенсивного орнаментального взаимодействия представляется историческая ситуация, включающая в себя бурные этнические подвижки в среднем Приобье XVII в. Селькупы, проживающие на левобережье Оби, под воздействием перемещения хантыйских групп населения устремились на территорию правобережья, потеснив здесь своих этнических собратьев. Цепная миграционная реакция вызвала последующее перемещение селькупов, ранее проживавших в Нарымском крае, на север, на реки Таз и Турухан. Тазовские селькупы пришли в активное соприкосновение с энцами и подвинули их в более северные районы, а туруханские смешались с поселившимися в этих же местах кетами (Долгих, 1960, с. 84–87; 1970, с. 196). В результате отмеченных перемещений южная и северная группы селькупов оказались в несхожем окружении: для первой основным партнёром в этнокультурных контактах стали восточные ханты, для второй – северные самодийцы.

Таким образом, значительная часть выскобленных узоров на бересте у нарымских селькупов отражает контакты последних с восточной группой хантов, активизировавшиеся с XVII в. Составляющие этот пласт ширококонтурные узоры из ромба и зигзага заняли доминирующее положение в берестяном узорочье южных селькупов и определили его вид, запечатлённый этнографией. В тени оказались орнаментальные формы, слагаемые в иной декоративный стиль.

Черты этого стиля проявились и в творчестве ненцев, правда, в иной области – инкрустации по дереву и кости. Сквозные признаки, связывающие различные орнаментальные области и различные этнические составные самодийцев, заключаются в следующем. По части орнаментальной технологии – это присутствие в той или иной форме резьбы: прочерчивание на бересте сопряжено с углублённым надрезом, а инкрустация – с предварительным вырезанием узора на материале. Применительно к композиции – упорядочение мотивов с помощью сетчатой структуры, задаваемой параллельными контурными линиями. По отношению к элемент-

ному составу узоров – мотивы, создаваемые с помощью зубца, полукружий; бытование в качестве производной формы цветочного фона. По характеру узорной линии – криволинейность и контурность, придающие узору лёгкость и ажурность (рис. 1, 6–7, 10).

Весь комплекс перечисленных черт представлен в художественной обработке бересты у алтайцев. Следует обратить внимание на крайне слабую изученность и отражение в литературе алтайской орнаментики (См.: Славнин, 1992, с. 69). Крайне низкая репрезентативность материала и чрезвычайно высокий уровень случайности выборки ещё больше оттеняют наблюдаемую степень сходства селькупско-ненецкой и алтайской орнаментики: среди шести орнаментальных композиций на бересте, представленных в альбоме В.И. Эдокова (1971) – почти единственном опубликованном источнике по алтайцам, несколько мотивов прекрасно соотносимы с самодийскими образцами (рис. 1, 8–9). Алтайские узоры нанесены на бересту с помощью резьбы ножом, в них хорошо просматривается сетчатая структура и тот же состав элементов: зубцы, полукружия, круги и производные цветочные формы фона. Суммирование общих черт даёт весьма чётко обрисованные и наглядные параллели на уровне мотивов (рис. 1, 6 и 8, 7 и 9).

В круг селькупских и алтайских аналогов также можно включить «реалистические изображения флоры и фауны», выделенные в качестве составной берестяного узорочья селькупов (Хороших, Гемуев, 1980, с. 181). Элементы наивного реализма нередко присутствовали в орнаментальной обработке изделия или составляли самостоятельную декоративную основу. Изображения отдельных деревьев-«кедров» или их суммарный вариант в виде «тайги» заполняли боковые поверхности берестяных ведёрок и круглых коробок, иногда чередуясь с четырёхлепестковыми розетками. Среди представителей фауны превалирует декоративный облик оленя, часто в жанровой трактовке (См.: Иванов, 1954, с. 59). Берестяные кошельки алтайцев также украшены реалистическими растительными формами, скомпонованными вокруг четырёхлепестковой розетки, присутствует в их декоративном убранстве и изображение оленя (См.: Эдоков, 1971, табл. 19, 21).

Орнаментальное своеобразие селькупов и ненцев, представленное в выскабливании на бересте и инкрустации по дереву и кости, хорошо соотносится с резьбой по дереву у южносибирских народов, и прежде всего алтайцев, но контрастирует с традициями северосибирских народов. У последних в обработке дерева и кости преобладала трёхгранно-выемчатая резьба, технологически сопряжённая с треугольником, в том числе с его учетверённой комбинацией с крестообразным фоном, а в качестве древнего реликта на кости иногда встречаются и циркульные узоры (Иванов, 1963, с. 58, 65). Иная ситуация наблюдается в резьбе по дереву у южносибирских народов, обладающей криволинейными и контурными очертаниями. В резьбе шорцев, например, можно найти бордюры из криволинейных ёлочек, помещённых в квадратные ячейках, и горизонтально симметричных дуг (См.: Иванов, 1961, табл. 39, 21, 23), а в резьбе алтайцев

содержится квадрат с криволинейными зубцами на его сторонах, что создаёт цветочный фон (СМ.: Иванов, 1963, рис. 306).

Таким образом, орнаментальное выскабливание на бересте у нарымских селькупов, инкрустация по дереву и кости у ненцев и резьба по бересте у алтайцев обнаруживают признаки стилевого единства. При этом формы проявления указанной общности ближе у алтайцев и селькупов, так как реализуются на одном и том же материале - бересте и сопоставимых техниках: резьбе и выскабливании (прочерчивании) с глубоким надрезом, а у ненцев опосредованы инкрустацией металлом по дереву и кости. Особенности данного орнаментального пласта, представленного в выскабливании на бересте у южных селькупов, не только хорошо проецируются на берестяной декор алтайцев, но и в некоторых своих существенных моментах объясняются последним.

Так, функционально зависимы контурность узорной линии и резьба, а элементный набор из зубцов, кругов и полукружий гармонично вписывается в южную тюркскую орнаментику с её округлостью линий, но занимает обособленное положение среди западносибирской прямолинейности, преобладающей в творчестве обских угров. Кроме того, нарымские селькупы для определения технологии выскабливания пользовались термином «матыко» ('резать'), что, очевидно, отражает генетическую первичность резного декора на бересте (Прокофьева, 1950, с. 31).

Как видим, существуют серьёзные аргументы в пользу предположения о южных, алтайских истоках своеобразного орнаментального стиля, проявившегося в творчестве южных селькупов и ненцев.

Предложенная интерпретация орнаментального материала соответствует этногенетической концепции, существующей в литературе применительно к ненцам и селькупам (Могильников, 1973; Васильев, 1979, 1983; Пелих, 1972 и др.). В составе обоих народов выявлены компоненты, связанные своим происхождением с югом Сибири, причем именно селькупы признаются «прямыми генетическими потомками южных самодийцев» (Васильев, 1983, с. 7). Миграции южных самодийцев осуществлялись в два этапа. Первая волна с южного Алтая появилась в бассейне Чулыма и Томи в VII-VIII вв., а на Средней Оби - в IX в. Направленность её движения определена исследователями по правым притокам Оби: Кети, Тыму, возможно, Ваху и бассейну Таза. Воздействие данной тюркской волны сказалось на формировании тундровых и лесных ненцев.

Начало второго этапа падает на IX-X вв. Экспансия тюрков продолжалась, и к XIII-XV вв. их воздействие затронуло непосредственно Нарымское и томское Приобье. Имеется и другая, более поздняя дата тюркизации указанных регионов - XVI-XVII вв. (Молодин, 1994, с. 130). Очевидно, в данном хронологическом диапазоне - IX по XVII в. - и следует искать проявление того тюркского воздействия, что определило становление криволинейных контурных узоров на селькупской бересте и в ненецкой художественной обработке дерева и кости.

Проводя связующую нить между резьбой по дереву и бересте у алтайцев и своеобразным выскабливанием южных селькупов, следует подчерк-

нуть, что эта связь далеко не исчерпывает той роли, что сыграли резные узоры на бересте в селькупском орнаментальном творчестве. На этой роли и её значимости следует остановиться подробнее.

Именно ажурная резьба с подкладным фоном включает в себя значительную часть геометрического прямолинейного орнамента, что свойственно декоративному искусству северных и южных селькупов и определён как «заимствованный ими у досамодийских насельников Западной Сибири» (Хороших, Гемуев, 1980, с. 185). Приоритетность ажурной резьбы с подкладным фоном над выскабливанием подтверждает её фиксация на берестяных вместилищах с наибольшей смысловой нагрузкой – коробках для хранения швейных принадлежностей, в то время как куженьки и прочие коробки украшены выскабливанием (Там же, с. 174–176). Коробки и мешки для швейных принадлежностей открывали собой семантический ряд женских вещей, являясь неперенным и наиглавнейшим атрибутом каждой женщины, её материализованным «я» (См.: Прокофьева, 1950, с. 39; 1952, с. 96). Украшение предметов подобного уровня значимости таит в себе наиболее архаичные для этноса приёмы художественной отделки.

Ажурная резьба по бересте с подкладным фоном из этого же зачёрнённого материала или из ткани чёрного либо красного цвета встречается у селькупов и во внешней отделке жилища. Узоры возникают чаще из треугольников в различных сочетаниях и имеют вид бордюров, обычно расположенных ярусно, а кроме того, включают в себя стреловидные и флажкообразные элементы (рис. 1, 1–3). У нарымских и баишенских селькупов орнаментированная полоса бересты крепилась к верхнему краю круглой берестяной коробки, а у тазовских (безоленных) – над дверным полотнищем чума.

Однако этническая природа резных узоров на бересте не сводима лишь к селькупскому компоненту. В орнаментальном творчестве хантов, манси и кетов также сквозной чертой проходят горизонтальные бордюры в технике ажурной резьбы с подкладным фоном, созданные на основе треугольника с использованием различных симметрических преобразований и приложимые к конкретному кругу вещей: наддверным полосам и коробкам (рис. 1, 4–5). Они вполне логично увязываются с резным орнаментом на дереве, обнаруживающим древние местные корни (См.: Иванов, 1963, с. 70, 452), что позволяет предположить происхождение ажурной резьбы с подкладным фоном на бересте на базе эволюционного развития местных традиций. В свете современных данных об угро-самодийско-кетских этнических взаимоотношениях возраст данной орнаментальной техники может быть соотнесён по меньшей мере со временем совместного проживания предков перечисленных народов в районе Среднего Иртыша – Васюгана во второй половине I тыс. н. э. (См.: Алексеенко, 1986, с. 111–112).

Помимо треугольников, селькупский ажурный резной декор на бересте включает в себя ещё флажкообразные и стреловидные элементы. Последние зафиксированы в значительном количестве, и их компоновка во многом тождественна описанной для треугольников. В связи с данными мотивами кажется не лишённым смысла предположение об их технологи-

ческой обусловленности. Информация о способе соединения стенок у селькупской берестяной утвари, создаваемой женщинами, сводится к тому, что они прошиваются сбоку саргой (Пелих, 1972, с. 36), или черёмуховым лыком, или тонкими корнями кедра (Прокофьева, 1950, с. 33). У обских угров наблюдается аналогичный способ соединения женской берестяной утвари, а мужские табакерки демонстрируют скрепление стенок с помощью профилированных краёв в виде взаимопроникающих флажкообразных выступов. Эти выступы плотно входят друг в друга, образуя надёжное сцепление краёв у берестяной пластины, служащей стенкой.

Подобная техника отмечена у многих народов: венгров, финнов, коми-зырян, хакасов, шорцев, а выявленная аналогия трактуется как результат этнокультурных контактов между предками угров и племенами юга Евразии, прежде всего юга Сибири (Соколова, 1989, с. 269). У северных групп обских угров и у восточных хантов отмечена и флажкообразная профилировка краёв, правда, не на бересте, а на костяных пряжках и деталях мужских сумочек.

Становление технологически обусловленных орнаментальных форм в виде стреловидных и флажкообразных фигур, отчётливо проявившихся в резном декоре селькупов на бересте, с учётом современной разработки угорской проблемы может быть определено следующим образом. По мнению В.А. Могильникова (1989, с. 73–74), поддержанному М.Ф. Косаревым (1991, с. 27), среди западносибирских культур эпохи раннего железа с венгерским этносом может быть связана лишь саргатская, ибо только её население имело потенциальную возможность к миграции, ведя подвижный образ жизни кочевников-коневодов. Вовлечённая в переселенческий поток середины I тыс. н. э., основная масса саргатцев мигрировала на запад, а часть из них проникла на север и северо-запад, в среду лесного этноса Притоболья и Прииртышья. Саргатские культурные традиции и обеспечили общность многих черт в культуре предков венгров и обских угров. Очевидно, к этим чертам можно причислить и способ крепления берестяных изделий с помощью взаимопроникающих фигурных краёв, впоследствии воспроизведенных в орнаменте, а время бытования данной традиции соотнести по меньшей мере с первой половиной I тыс. н. э.

На основании всего вышеизложенного представляется правомерным вести речь о выделении трёх исторических пластов в берестяном декоре селькупов. Каждый из них обладает стилистическим своеобразием, включающим в себя технические характеристики художественной обработки материала, определённый набор орнаментальных форм и манеру их исполнения.

Первый пласт связан с зарождением резных узоров, и его нижним хронологическим рубежом предположительно можно считать первую половину I тыс. н. э. В качестве прасновы здесь, очевидно, послужил технологический псевдоорнамент. Заданные им флажкообразные и стреловидные формы были воспроизведены в художественной профилировке краёв и в ажурной резьбе с подкладным фоном. Отражение данного этапа в творчестве селькупов свидетельствует о наличии в их культуре традиций,

аналогичных древнеугорским. Последующее развитие ажурной резьбы, вероятно, сопровождалось активным вовлечением в её узорный фонд мотивов, наработанных на ином материале – дереве. Традиция западносибирской резьбы по дереву, прочно связанная с трёхгранно-выемчатой техникой, породила узоры из треугольников, скомпонованных с учётом различных симметрических преобразований. Эти узоры могли быть перенесены на бересту не позднее второй половины I тыс. н.э. предками обских угров, кетов и селькупов.

Содержание второго пласта определено влиянием тюркских (алтайских) канонов художественной обработки бересты. Под их воздействием в южноселькупской орнаментике произошло становление контурных узоров из зубцов, овалов и полукружий, выполненных выскабливанием (прочерчиванием) с глубоким надрезом. Хронологию второго этапа логично увязать с тюркскими волнами IX–XVII вв.

И, наконец, третий пласт селькупской орнаментики отражает возросшую интенсивность этнокультурных контактов южных селькупов с восточными хантами, пришедшуюся на XVII в., результатом чего стало формирование нового орнаментального стиля в виде криволинейных ширококонтурных узоров из ромба и зигзага, выскабливаемых на бересте.

Теснейшим образом переплетаясь в арсенале селькупской мастерицы и образуя канву её творчества, рассмотренные исторические напластования находили совместное воплощение в каждом конкретном акте декоративного творчества. Рука исполнительницы умело наносила затейливые узоры на берестяную коробочку, отводя центральное поле восточнохантыйским образцам; мотивами, созданными на основе древнесибирских резных традиций, разграничивала основной рисунок, а тюркскими элементами наполняла окаймляющие мотивы. Не осознавая сложной истории становления орнаментики, селькупская женщина безошибочно воспроизводила творческий багаж своего народа и донесла до нас орнаментальные традиции различных времён и этнических образований в виде единого целого, имя которому – берестяное узорочье селькупов.